

Пока не разрезана ленточка

Монолог экскурсовода

Меня смолodu прельщала биография Джека Лондона. Но я вовремя сообразил, что осмысленной эта биография стала только тогда, когда некий Поттер — моряк, почтальон, боксер, банковский клерк и т.д. — превратился в Джека Лондона. Не случись этого — был бы очередной неудачник, всю жизнь раздражающий окружающих охотой к перемене мест и занятий. И когда природная непоседливость или жизненные обстоятельства заносили меня на новое поприще, я всякий раз старался пахать в полную меру сил и способностей в надежде достичь результата, а не просто пополнить копилку жизненного опыта.

А что оставалось делать? Пушкинского «магического кристалла» мне не досталось. Даль свободного романа в тумане неразличима. Печати особой предназначенности я на себе не обнаружил. Не ограничиваться же всякий раз участием Поттера только потому, что неизвестно, где твой Лондон. И я несколько раз начинал практически с чистого листа. В результате вместо одной жизни получились как бы несколько, каждая — с заметным началом, со своим пиком, но кончилась ли хоть одна из них — не знаю, это первое.

А второе — даже на девятом десятке не могу поручиться, что меня опять куда-нибудь не занесет. С тех пор я издал еще две книжки воспоминаний к семидесяти- и к восьмидесятилетию, и в каждой было что-то для частной коллекции полезное. В книжке «Парень с Сивцева Вражка», изданной «Новой газетой» в 2009 году, и книжке «НЕ», вышедшей в издательстве «ОГИ» в 2019-м, — лучшее из напечатанного там я взял сюда.

Я не хочу менять название «Частная коллекция», она была издана в 1999 году, к шестидесятилетию, и это не просто название, это еще и жанр. Не «биография», не «творческий путь» — строгие, обязывающие, нет, частная коллекция историй и портретов. Жанр для меня очень удобный: коллекционер никому не обязан отчетом и может вообще не отвечать на вопрос — почему? В конце концов

это его дело, что выставлять, а что не выставлять на всеобщее обозрение, и бесполезно предъявлять к нему претензии.

Скажу больше: с точки зрения избранного жанра, жизнь, она и есть коллекционирование будущих воспоминаний, а биография — всего лишь уникальное стечение обстоятельств, которое свело разных людей на пространстве одной частной жизни.

Мои портреты и истории возникали в разные годы и по разным поводам, публиковались в основном в периодике или в сборниках воспоминаний, отсюда неизбежные повторы и залихватские зачины — ведь отдельная публикация старается привлечь к себе внимание с первых слов, что приводит к литературным излишествам и изыскам, книге противопоказанным. Но, сокращая и подрезая, можно было по инерции не просто стереть пыль, а кое-что перелицевать, дорисовать то, что подвергалось воздействию редакторской ретуши, цензуры или самоцензуры, и задним числом показаться более умным или более смелым. Чтобы осмыслить эту опасность и избежать ее, тоже требовалось время. Словом, жанр «Частной коллекции», изобретенный в поисках легкой жизни, оказался более трудоемким, чем представлялось поначалу.

И все равно — жанр был счастливой находкой. Теперь можно просто проставить даты, чтобы сориентировать читателя, что и когда написано.

Я буду при этой коллекции чем-то вроде экскурсовода, а значит, не должен игнорировать вопросы личного порядка, которые нескромный посетитель непременно задает экскурсоводу. Ну, вроде: «Вы еще скажите, девушка, вы сами-то замужем? А то из нашей группы интересуются...».

Интересующимся отвечаю по возможности кратко.

Грех жаловаться:

- из 80 лет почти 65 проработал;
- придумал, перевел, отредактировал, издал около 100 книг;
- снял больше 20 фильмов;
- был сыном хороших родителей и стал отцом двух неплохих сыновей;
- женился неоднократно, но только на замечательных женщинах;
- переболел всеми болезнями времени: комсомолом, диссидентством, революцией, демократией, кумироманией и кумирофобией и выжил без особо тяжелых последствий для психики;

- имел и имею друзей, счастлив, что почти всю жизнь это одни и те же люди;
- приобрел врагов, но не унизил их и не дал им унижить себя;
- ни в какие партии не вступал и к уголовной ответственности не привлекался;
- почетных званий и государственных наград не имею;
- сменил много профессий: лаборант-гляциолог, разнорабочий, повар, пекарь, рубщик леса, востоковед, толмач, переводчик, редактор, журналист, сценарист, режиссер, преподаватель, издатель;
- с октября 1991 года возглавляю Фонд защиты гласности, и поскольку профессии правозащитник не существует, мне на этой работе приходится пользоваться всеми навыками, нажитыми ранее.

Теперь о коллекции. Иногда спрашивают: легко ли рисовать эти картинки и портреты по памяти? Ответьте сами. Закройте глаза и без помощи рук попробуйте описать словами, как завязывают шнурки бантиком... Убедились, как костенеет, сопротивляясь, язык, какая это неподъемная задача, как вы замираете, подобно сороконожке, которую спросили, почему она шестнадцатую ногу ставит сразу после второй?

Это что касается слов. А тут еще проблема памяти, которая у каждого наособицу: кто-то помнит даты, чужую речь, погоду, географию событий и расположение предметов, а кто-то, как я, в основном собственные ощущения от слов, предметов и событий. Недостатки памяти свойственны всем, но я в своих признаюсь заранее, чтобы предупредить, что это не они такие — герои этой книги — это я их такими помню или такими люблю; это не то, что было, это моя версия того, что было.

И последнее: чего в этой коллекции нет из того, что следовало бы поместить. Иными словами, если бы ко мне обратился Маяковский и сказал: «Я в долгу перед Бродвейской лампией, перед вами, Багдадские небеса. Перед Красной Армией. Перед вишнями Японии. А вы?»

Мои долги скромнее — написать бы о том, как дружили мои бабушки. Одна — из рода князей Оболенских, другая — из черты оседлости. Да и замечательных дедов своих следовало вспомнить: и того, о ком здесь хоть краешком, а написано. И о втором — суровом, военном и трогательном отцовском отчине.

О двух театрах, в которых прошла часть моей молодости: о «Современнике», где я был другом, зрителем и несостоявшимся автором, и Эстрадной студии МГУ «Наш дом», где я первый раз вышел актером на театральную сцену с большой кастрюлей на голове.

О шестидесятниках, о Высших режиссерских курсах, о Галиче, Окуджаве, Алеше Германе и «Новой газете»... Когда вы пройдете все два зала, имейте в виду, что кое-что из взятых на себя обязательств я уже выполнил, и это не финал, а будем надеяться, промежуточный финиш.

Что еще полагается делать при открытии выставки? Речь про-изнесена, ленточку забыли натянуть. Остается просто открыть дверь и переступить порог зала номер один.

Зал «Семейные портреты и реликвии»

Обжигаясь об историю

Вы когда-нибудь пробовали пускать «блинчики»? Это делается на морском берегу, при тихой воде, там, где пляж — огромное лежбище обкатанной, оглаженной прибоем гальки. Берете в руку самый плоский камень и, отведя локоть, пускаете сей метательный снаряд вдоль по поверхности воды. Вот сколько раз он отскочит, пока не хлопнет, не юркнет в глубину, столько блинчиков вам и удалось пустить.

Применительно к теме нашего сочинения, это вроде как метафора: море — оно просоленное, безбрежное, как история страны, а делающий, сколько сил хватит, прыжков по поверхности воды камень — это доступная мне часть нашей семейной истории. И надо смириться с тем, что с какой бы силой вы ни пустили свой «блинчик», он все равно канет, растворится в толще истории, не оставив на поверхности сколько-нибудь заметного следа.

А кстати: какова фамилия вашего камня? Моего вроде бы — Симонов. Но в моем Симонове полно и других фамилий. Через папу — Иванишевы и Оболенские, далее — Шмидт, Шаховские — далее не знаю. Через маму — попроще: Ласкины и Аншины. Одни — из Орши, другие — из Шклова.

Отцовы родичи — из Петербурга и Москвы. Материнские — из черты оседлости, и только предки, чью фамилию я ношу, — на особицу: родной отец моего отца — из мелкопоместных калужских дворян Симоновых. Как видите, семейная моя история сложилась из элементов, по всей России разбросанных.

Бывает по-другому: бывают «блинчики» пущены буквально из двух соседних домов, расположенных в десяти метрах друг от друга, и никакой загадки в таинстве пересечения их в истории нет. В моем случае понадобился исторический шторм 1917 года, когда перемешались все социальные страты государственного устройства, иначе ну никак бы не сошлись в историческом пространстве линии жизни моих мамы и папы.

Род Оболенских, чтобы было понятно, — один из древнейших дворянских родов России, ведущий свое родословие от легендарного Рюрика. Поколение отца — 32-е — это если от Рюрика, и 21-е от патрона рода — великого князя Черниговского. А от основателя рода князя Константина Юрьевича Оболенского — 19-е.

Что до рода Ласкиных — это род еврейских торговцев соленой рыбой в черте оседлости. Для необразованных: черта оседлости — районы Российской империи, где разрешено было жить не добившимся крупного успеха в жизни евреям. Добившиеся — выезжали за черту оседлости, имея за плечами либо успешную торговлю, либо чудеса храбрости на поле империалистических войн.

Достоверность рассказов о семейной истории следует подкреплять документами. Но — с одной стороны — достоверных документов о третьем от меня поколении, что в материнском, что в отцовском роду, не осталось никаких: революции и войны, увы, не способствуют накоплению семейных архивов, а с другой стороны — всегда среди родичей находится кто-нибудь более въедливый и более тщательный, чем ты и, глядишь, у вас, как у меня сейчас, окажутся исторические свидетельства, составленные этими, более тщательными, чем я, родственниками.

По странному стечению обстоятельств авторы исторических записей в моем случае оказались двоюродные братья моих родителей: князь Николай Николаевич Оболенский и инженер-химик Марк Савельевич (Саулович) Ласкин. Родились они — первый — в 1905 году в Астрахани, где «заведующим калмыцким народом» служил его отец Николай Леонидович — старший брат моей бабки, Александры Леонидовны Оболенской — Иванишевой. Второй родился в Орше в 1908 году и был сыном старшего брата моего деда, Самуила Моисеевича Ласкина. По отцовской линии это выглядит так: в 2003 году в Петербурге был издан «Дневник тринадцатилетнего эмигранта», и большая часть интересующих нас с вами сведений взята из предисловия и комментариев к этому дневнику моего троюродного дяди, составленных И. Вышеславцевой и С.А. Ларьковым, занимавшимися много лет родословием рода Оболенских.

Второй источник — машинописная рукопись, названная автором «Заметки о моей жизни», и причиной, побудившей Марка Савельевича взяться за этот обширный, чуть не в 200 страниц, труд, было, по его словам, «наблюдаемое сейчас равнодушие нашей молодежи к прошлому своих предков». Написана она в 1974—

1976 годах, а окончательный вариант перепечатан в 1978-м, когда и стал доступен для родственного чтения. Его дочь с мужем, две внучки и многочисленные правнучки читают ее уже в Израиле.

Теперь, когда об источниках я вам рассказал, давайте о том, что же в этих исторических документах зафиксировано. Цитирую.

«Семья Ласкиных жила в Орше, как говорится, испокон веков. Достоверно знаю, что мой прадед (т.е. дед моего деда, так в рукописи, читать, вероятно, следует... «отец моего деда») Мордохай Пинхос Ласкин умер в Орше в 1902 году в возрасте около 80 лет, пережив всего на один год свою жену Двойру. Он хорошо владел русским языком — по тем временам явление редкое — любил шахматы и служил бухгалтером у местного помещика Сипайло.

Его сын — мой дедушка, Моисей Мордохович Ласкин, был купцом не то гильдии второй, не то третьей. Он вел оптовую торговлю соленой рыбой, солью и керосином. Жена его — бабушка Хая из Шклова (местечко в 40 км от Орши, ниже по Днепру). Ее мать, мою прабабушку Малку Миндлин, я хорошо помню. Она умерла в 1920 или 1921 году в глубокой старости (около 90 лет) [...] Ее муж, мой прадед Бер Миндлин, славился в Шклове своей честностью. Говорили, что его слово крепче векселя. Отец мой, Саул Моисеевич Ласкин, родился в Орше в 1882 году, был он вторым ребенком в семье. Первым была сестра его Сима. После отца родилось еще четверо: Самуил (это уже мой дедушка — А.С.), Фаня, Яков и Женя. Трое старших получили домашнее образование, т.е. были людьми грамотными, но не более. Младшие получили высшее образование, все трое стали врачами [...]. На протяжении одной недели были сыграны две свадьбы. Сперва женился отец, а через неделю, 14 августа 1907 года (старого стиля), его младший брат Самуил. Спешка была вызвана тем, что дедушка Моисей не разрешал младшему жениться раньше старшего».

Почему Марк Савельич дату женитьбы моего деда, своего дяди, помнит лучше, чем дату женитьбы собственных родителей? Да потому что в день, когда мой дед, Самуил Моисеевич, справлял свою золотую свадьбу с бабушкой Бертой, родители Марка, к сожалению, давно померли, а он на золотой свадьбе дяди присутствовал как самый близкий родственник, вместе с младшим братом — Борей, Борисом Ласкиным, известным юмористом, автором знаменитых песен «Спят курганы темные» и «Три танкиста» и сценария фильма «Карнавальная ночь». Впрочем, меня-то как раз на

той свадьбе не было: я оказался так далеко, что не приедешь — в Якутии, на полюсе холода, в экспедиции по 3-му Международному геофизическому году.

Женой деда была барышня из хорошей еврейской семьи — так было принято формулировать — девичья ее фамилия Аншина — и она, как и Маркушина бабушка Хая, была из Шклова, откуда, судя по всему, извлекали невест оршанские холостяки. У бабушки было не то семь, не то восемь сестер. Но — обратите внимание — чем лучше девочки, тем меньше шансов сохранить девичью фамилию для истории — всех выдают замуж, и все — по традиции — меняют фамилию на фамилию мужа.

Бабушка Берта, она же Берта Павловна, родит мужу трех дочерей — вот как сильны были в Аншиных женские гены — Фаину, которую в семье с детства звали Дусей (1909), Софью (1911) и Евгению (1914) — мою маму. А вот почему они на этом остановились — ведь и у того, и у другого детей в семьях было намного больше — здесь, я думаю, вмешалась история.

Дело в том, что именно в 1914 году исторически начался XX век — век войн, революций, диктатур и концлагерей, век неверный, ненадежный, сопряженный с опасностью и бедами для отдельной семьи, век — убийца и баламут. И великим еврейским предчувствием Ласкины это угадали. А порода была крепкая, надежная: бабка с дедом прожили более 85 лет каждый, у Сони и Жени жизнь оборвалась в один и тот же 1991 год, т.е. одной 80, а другой 77. И самой рекордной даты достигла старшая моя тетка — Дуся, дожила до 100 лет, получила поздравление от Путина, устала и перестала жить.

В это же примерно время, на другой стороне жизни, в Санкт-Петербурге, точнее в Петрограде (уже война, Первая мировая началась), родился Кирилл Симонов — сын полковника Генерального штаба Михаила Агафангеловича Симонова — из дворян Калужской губернии и княжны Александры Леонидовны Оболенской — младшей дочери действительного статского советника, одного из немногих родовитых дворян, сделавших карьеру на гражданской службе.

С появлением на свет матери, а потом и отца стартует моя личная история с биографией. И даже подумать страшно, что должно случиться, чтобы ни о чем еще не знающее мужское начало моего отца вошло в многообещающее столкновение с женским началом моей мамы. Но это случится почти через четверть века, не ранее

1936 года, когда в Литературный институт, открытый в Москве на Тверском бульваре двумя годами раньше, поступит на редакторский факультет моя мама, еще не зная, что со дня основания Литинститута на поэтическом факультете учится Кирилл Симонов.

Что могло помешать им встретиться? Какие препятствия по истории и географии, не говоря уже о социальном устройстве, каждому из них способствовали, а какие пришлось преодолевать?

Итак, маршрут друг к другу с препятствиями. Любопытно, что, кроме общего чудовищного переполоха 1917—1919 годов, все остальное — разное, индивидуальное и не скажешь, что простое.

В 1917 году отец отца Михаил Агафангелович Симонов получает звание генерал-майора и на значительное (до сих пор не знаем точно, сколько оно продолжалось) время теряется в войне, пропадает без вести. К тому моменту бабкиного отца — Леонида Николаевича Оболенского, действительного статского советника, представителя правительства в правлениях банков и железных дорог уже нет в живых, он скончался в Санкт-Петербурге в возрасте 67 лет и не оставил значительного состояния. Четыре дочери и — опора и надежда семьи — сын Николай Леонидович Оболенский к 1917 году губернатор то в Курске, то в Ярославле, он в феврале 1917 временно арестован, а в августе 1918-го с женой и детьми чудом бежит за границу — сначала в Турцию, оттуда в Болгарию и, наконец, оседает во Франции. Отрезанный ломоть. Мать и сестры — в Питере, связи случайные, спорадические — письма через знакомых, родственников или родственников знакомых.

А в Питере уже рушат мир насилья «до основанья, а затем». И среди этой разрухи мать и четыре дочери, причем старшая — уже вдова, и у нее трое детей, а у младшей — двухлетний младенец и муж без вести пропавший.

Надо сказать, что предсказание Интернационала не сбылось. Кто был никем, тот мало кем стал, а вот в обратном порядке: кто был всем, тот стал никем — это осуществилось в полной мере. По публикациям историков-архивистов могу засвидетельствовать, что по меньшей мере трое двоюродных братьев отца — Оболенских — были растерзаны революционными толпами и еще минимум четверо двоюродных дядьев с семьями были вынуждены бежать сломя голову и эмигрировать.

Даже старинную фамильную мебель украли спекулянты, которым доверили ее продать. Есть было в буквальном смысле нече-